

КАК НАТАСКАТЬ
ВАШУ СОБАКУ ПО

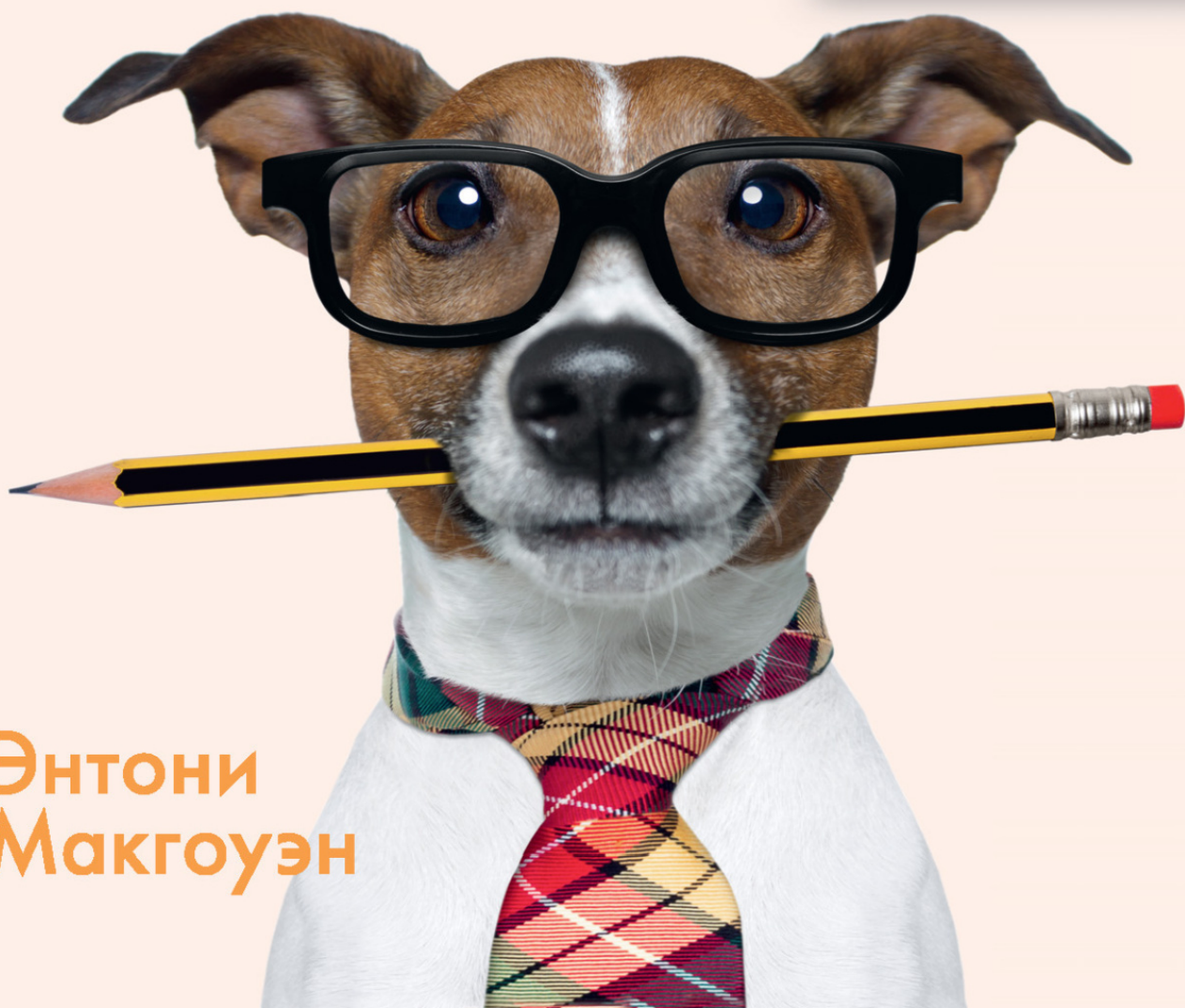
ФИЛОСОФИИ

и разложить по полочкам основные идеи
и понятия этой науки

ОСТРОУМНО!

КРАТКО!

ДОСТУПНО!



Энтони
Макгоуэн

Энтони Макгоуэн

**Как натаскать вашу собаку
по философии и разложить
по полочкам основные
идеи и понятия этой науки**

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 1(091)+101
ББК 87.3

Макгоуэн Э.

Как натаскать вашу собаку по философии и разложить по полочкам основные идеи и понятия этой науки / Э. Макгоуэн — «Азбука-Аттикус», 2019

ISBN 978-5-389-24694-2

Популярный британский автор Энтони Макгоуэн исследует основы западной философии в серии воображаемых диалогов, которые он ведет со своим непоседливым песиком Монти. Читатели, никогда ранее не путешествовавшие по тропам философии или желающие освежить знания, высоко оценят эту приятную экскурсию с дружелюбным гидом и его верным спутником. От Аристотеля до Дерриды, от Евклида до Вольтера, от Сенеки до Лейбница, от Сократа до Канта – всем ключевым идеям великих мыслителей найдется место в этом увлекательном обсуждении! «Первые три прогулки связаны с обсуждением философии морали и этики. В следующих прогулках мы поговорим о концепции свободы воли и о логике. Затем мы обсудим метафизику: эти запутанные вопросы о природе реальности и существования. Далее наш путь будет пролегать через эпистемологию, или теорию познания. Четыре прогулки посвящены обсуждению философии науки. Наконец, в последней главе о смысле жизни дается краткий обзор некоторых доказательств существования Бога. Хотя эта обширная структура носит тематический характер, в рамках обсуждения каждого предмета мы рассмотрим, что говорили по этому поводу великие философы. Я надеюсь, что такое изложение поможет читателю не только разобраться в проблеме, но и составить представление об истории развития философской мысли».

(Энтони Макгоуэн) В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 1(091)+101

ББК 87.3

ISBN 978-5-389-24694-2

© Макгоуэн Э., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

От автора	7
Пролог	9
Прогулка первая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Энтони Макгоуэн

Как натаскать вашу собаку по философии и разложить по полочкам основные идеи и понятия этой науки

Посвящается, конечно, Монти, который принес столько любви в нашу семью

Вот почему животные не способны ни на умысел, ни на притворство; они ничего не скрывают. В этом отношении собака относится к человеку так, как стеклянный кубок к металлическому, и это в значительной мере способствует тому, что мы так ценим собаку: для нас это великое наслаждение – видеть в собаке явное и открытое выражение всех наших склонностей и эффектов, которые мы столь часто скрываем¹.

Артур Шопенгауэр. Мир как воля и представление

Книги – лучшие друзья человека, если не считать собак. Если считать собак, то читать будет некогда².

Приписывается Граучо Марксу

Anthony McGowan

HOW TO TEACH PHILOSOPHY TO YOUR DOG Exploring the Big Questions in Life
Публикуется с согласия Oneworld Publications и литературного агентства «Синописис»

© Anthony McGowan, 2019

© Левензон С.М., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023
КоЛибри®

* * *

Макгоуэн шутиливо исследует вопросы философии в рамках удивительной коллекции воображаемых диалогов со своим любимцем Монти. Читателям, которые никогда прежде не блуждали по философским тропам, а также тем, кто желает воспользоваться билетом на обратную дорогу, понравится этот увлекательный тур с дружелюбным гидом и его преданным компаньоном.

Publishers Weekly

В качестве обязательного чтения о смысле жизни можно порекомендовать прекрасную книгу Энтони Макгоуэна, которая состоит из серии бесед автора с его собакой Монти во время совместных прогулок. Последняя глава представляет собой трогательные размышления о смерти и существовании Бога, которые вмещают все, от Аристотеля до Шопенгауэра, и создается впечатление, что у собак всегда имелись ответы на многие животрепещущие вопросы...

Guardian

От автора

Эта книга задумана как приятное введение в мир философии. Так же как и на прогулке с собакой, вы можете выбирать пути в путешествии такого рода – разные по направлению, расстоянию и даже цели. Будет ли это изучение, развлечение или всего лишь ознакомление, чтобы разделаться с этим предметом побыстрее, но с наибольшей пользой? Некоторые введения в философию начинаются с истоков – с обсуждения наследия древнегреческих мыслителей VI века до н. э., – и повествование последовательно охватывает все века до тех пор, пока не достигнет той точки, которая обозначает «наши дни» для конкретного автора. В других книгах больше внимания уделяется биографиям, и рассказ оживляется историями об эксцентричности и чудаковатости философов. Недавно стал популярен исключительно тематический подход: предмет разбивается на вопросы или темы, и особое внимание уделяется острым, нестандартным.

Такие разные подходы отражают тот факт, что по своей природе философия напоминает странный гибрид: это не чистокровная афганская борзая, а скорее помесь лабрадора с пуделем, лабрадудль. Английская литература – предмет, который, по сути, состоит из своей истории. Чосера и Шекспира, Остин и Элиот читают не потому, что они представляют исторический интерес, а потому, что их сочинения по-прежнему являются произведениями искусства. Более того, величие этих авторов заключается не в каких-то идеях, которые можно выделить и суммировать, а в языке: словах, предложениях, главах и более длинном, глубоком, музыкальном течении текстов.

С другой стороны, математика и физика – это предметы, которые можно преподавать, даже не упоминая об их истории. Для вычисления площади круга вам не нужно знать, что приблизительное значение числа π впервые вычислили древние египтяне и вавилоняне, а с точностью до семи знаков после запятой – китайские математики в первом тысячелетии нашей эры. Вам просто нужен карманный калькулятор. А значение и важность ньютоновских законов движения не связаны с теми словами, в которых они были выражены Ньютоном. Аристотелева физика – с ее отрицанием пустоты, абсолютно неверной концепцией движения и характерной для нее космологией, согласно которой Земля находится в центре статичной Вселенной, застывшей в виде ряда концентрических кристаллических сфер, – совершенно бесполезна для любого современного ученого, разве что только заставляет его почувствовать превосходство.

Философия охватывает оба этих мира. Несомненно, можно обсуждать идеи Платона, Аристотеля и Витгенштейна вообще без цитат. В этом отношении они похожи на законы Ньютона. Однако проблемы философии, как правило, не решаемы. Это новости, которые всегда остаются актуальными. В наши дни профессиональные философы все еще занимаются изучением философии Аристотеля и Декарта, по-прежнему спорят с Локком и Бенхамом так, как ни один ученый не стал бы спорить с Архимедом или Коперником. Поэтому *история философии* никогда не исчезнет и не станет несущественной.

Кроме того, эта история сама по себе удивительна. Поэтому в своей книге я попытался уловить такой смешанный характер философии. В выбранной мною форме рассказа лишь небрежно затрагивается история предмета. Повествование представлено в виде серии прогулок и таким образом связано с методикой преподавания Аристотеля во время движения – из-за этой особенности школа Аристотеля получила название «перипатетическая» (от греческого слова, означающего «прогуливаться»)³. Во время этих прогулок мы с моей собакой Монти в

³ Термин «перипатетик» происходит от слова *περίπατος* – крытая галерея, которая служила лекционным залом. Объяснение термина от *греч. περίπατος* – «прогуливаться», восходящее к Гермиппу, считается ошибочным // Лебедев А. В. ПЕРИПАТЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА // Большая российская энциклопедия. Т. 25. М., 2014. С. 693, 694. – *Здесь и далее примеч. перев.*

диалектической традиции Сократа обсуждаем основные проблемы философии, используя в качестве руководства обширные разделы этой области науки.

После введения первые три прогулки связаны с обсуждением философии морали и этики. Затем на протяжении пары недолгих прогулок мы затронем побочные вопросы: во время одной из них речь пойдет о концепции свободы воли, а во время второй – о логике. Затем в рамках трех прогулок мы обсудим метафизику, эти запутанные вопросы о природе реальности и существования. На протяжении следующих трех прогулок наш путь будет пролегать через эпистемологию, или теорию познания. Четыре прогулки действительно посвящены обсуждению философии науки. Наконец, в последней главе о смысле жизни также дается краткий обзор некоторых доказательств существования Бога.

Хотя эта обширная структура носит тематический характер, в рамках обсуждения каждого предмета мы рассмотрим, что говорили по этому поводу великие философы. Я надеюсь, такое изложение поможет читателю не только разобраться в проблеме, но и составить представление об истории развития философской мысли.

Должен сказать, что в этой книге представлена лишь часть истории идей, в рамках которой я сосредоточился на западной философской традиции. Причиной тому служит не ограниченность или презрение к исламской, китайской или индийской философии, а просто дело в том, что это огромные и сложные области знания, в которых я не специалист, и добавление отдельных фрагментов лишь для того, чтобы работа казалась более разноплановой, было бы оскорбительным. Каждая из великих незападных традиций заслуживает разговора с Монти сама по себе...

Наконец, эта книга – не одно из тех введений в философию, в которых даются основные моменты, помогающие читателю повторить пройденное. Книга организована в виде серии прогулок, и так же, как во время прогулки, временами мы сходим с тропы, какое-то время блуждаем в подлеске, спугиваем кролика, кормим уток. Иногда мы заходим в тупик. А иногда приходится идти рядом с дорогой с оживленным движением или через поле со жнивьем, прежде чем удастся добраться до чего-то стоящего: прекрасной поляны в лесу или ручья с зимородком.

Пролог О собаках и философии

У меня есть собака – неряшливый «мальтиец» Монти. Я говорю «есть», подразумевая не столько владение, сколько то, что вы имели бы в виду, говоря, что у меня перхоть или простуда. Монти похож на облако, которое упало на землю и какое-то время каталось в грязи. У Монти невероятные черные глаза, черный нос и усы в желтых пятнах, которые появились из-за того, что этот пес постоянно утыкается мордой во все заманчивые ароматные закоулки и щели.

Что касается умственных способностей мальтийских болонок, то обычно их характеризуют как средние: эти собаки соображают медленнее, чем взвинченные пудели или играющие в шахматы колли, но находятся на одну или две отметки шкалы выше, чем боксеры, уставившиеся на теннисный мячик в надежде, что он снова придет в движение, и похожие на каменные изваяния афганские борзые, которые измучились от интеллектуального напряжения, стараясь не проглотить собственный язык. Монти не умеет делать трюки и не всегда выполняет команды «ко мне!» или «сидеть!», хотя, если вокруг больше нет ничего интересного, он будет послушно ждать, пока вы подойдете к нему. Его величайшим триумфом было завоевание титула «Лучший пес» на выставке собак «Криклгав» в Криклвуд. Второе место занял кролик, а третий приз получил плюшевый мишка.

Несмотря на то что я несколько резок в оценке интеллектуальных способностей Монти, у него честный, недоуменный взгляд, как будто он систематически пытается разгадать некий секретный код или серьезно размышляет о скрытых смыслах Вселенной. Я считаю его этаким Доггером Ватсоном – нет-нет, не волнуйтесь, это не будет одна из книг, полных каламбуров, это последний. Если Монти – Ватсон, то не становлюсь ли я тогда Шерлоком? Увы! Боюсь, что мы с Монти похожи на дуэт комиков: мы с ним оба Ватсоны, которые, пытаясь, стараются докопаться до истины, которую более живые умы могли бы установить с большей скоростью, если не точностью.

Так что я считаю Монти подходящим компаньоном во время прогулок, когда я пытаюсь постичь мир, применяя, где возможно, философию, которую усвоил за годы научных исследований и самостоятельного чтения. Мы с Монти болтаем о разных вещах, обмениваемся идеями. Я научился догадываться, о чем он думает. И даже выразить его мысли.

В последующих главах представлены некоторые из философских бесед, состоявшихся во время наших прогулок по улицам, паркам и кладбищам на севере Лондона (а иногда и за его пределами). Они выступают в качестве доступного введения в главные вопросы философии – вы их знаете или догадываетесь, как они могут звучать. Как поступать правильно? Существует ли свобода воли? Какова подлинная природа реальности? Как мы познаем все на свете? Существует ли Бог? Почему я каждый раз пытаюсь вставить флешку в разъем сначала неправильной стороной?

Эта книга предназначена для людей, а не для собак, и касается человеческих проблем, а не расписаний дегельминтизации и стратегий удаления фекалий, что отнимает так много энергии, направленной на содержание собаки. Но в книге тем не менее присутствует собачий дух... Я внимательно следил за появлением лучших друзей человечества в классической философии. И оказалось, что упоминания о них встречаются чаще, чем ожидалось. Немного похоже на парики. Наверное, я должен объяснить.

В начале девяностых я встречался с девушкой, у которой была любопытная одержимость мужчинами в париках. При этом речь шла не о каких-то особых причудах, будто ей нравилось, скажем, что я надеваю судейский парик из конского волоса и, грозно стукнув молотком, объявляю ее виновной в том, что она небрежно надела халатик. Нет, она просто любила выделять

людей в париках, подобно тому, как любитель птиц отмечает короля или пеночку. Толкнув меня локтем в пабе или в подземке, она шептала: «Сироп», – и я должен был попытаться определить, кто носит парик. (Кстати, «сироп» – это из рифмующегося сленга кокни: «сироп из фигов – парик».) В те дни технология наращивания волос находилась в зачаточном состоянии – было очень и очень далеко до современных сплетения прядей, трансплантатов и восстановления фолликулов, – но даже тогда классический зачес из трех прядей уже многих не устраивал, поэтому парики встречались все чаще.

Получив предупреждение от своей девушки, я оглядывал помещение или вагон подземки. В начале наших отношений мне, как правило, не удавалось определить цель, за исключением очевидных кошмарных париков – тех, что выглядели, как сонный бобер, или были очень плотными, как стекловолокно, слишком сильно взбитые сливки или расплавленный пластик. Но постепенно я научился определять подсказки: неестественно темные волосы, контрастирующие с седеющими бровями; слишком высокая плотность фолликулов, которую выдает морщинистое лицо; глянцева переливчатость, отражающая неоновые огни улиц.

До отношений с этой девушкой я никогда не замечал парики, я их просто *не видел*. Это была деталь, зернистость, которой в моем мире не существовало. Людвиг Витгенштейн – философ, с которым мы еще встретимся на страницах этой книги, – пространно писал в «Философских исследованиях» о процессе, посредством которого мы узнаем значение слова. Вместо простой линейной связи между объектом и его названием мы постигаем значение слова, наблюдая, как оно используется, изучая правила его произношения и *форму жизни* – богатую матрицу из культурных процедур и традиций, в которую оно встроено. Познание – это действие, то, что мы *делаем*, а не то, что мы *имеем*. Поэтому мне пришлось научиться воспринимать парики, следуя за своей наставницей, и вскоре мне открылась совершенно новая сторона мира. Я начал видеть парики везде, и мы с моей девушкой вместе радовались этой общей детали, подобно тому, как дельфины рассекают прибой. И даже после ее ухода, когда радость от совместного открытия уже осталась в прошлом, я по-прежнему ловил себя на том, что выделяю парик в толпе – пышную, плотную шоколадную массу на голове у человека с меланхоличным выражением лица – и мечтательно шепчу себе под нос: «Сироп»...

Так же как и в случае с париками, я бы не увидел упоминания о собаках на страницах западной философии, если бы не начал их активно искать. И неожиданно оказалось, что собаки присутствуют повсюду: иногда упоминания о них спрятаны на полях текстов (подобно тому, как прячутся собаки, когда знают, что им грозят неприятности из-за «аварии» с желудком или кражи из буфета), а иногда скрываются на самом виду.

Принимая во внимание долгие и тесные взаимоотношения человечества с собаками, не удивительно, что они проникли во многие аспекты нашей интеллектуальной культуры, наши мифы, истории, а также философские исследования. Археологи выяснили, что трудно точно установить момент, когда впервые были одомашнены собаки, хотя по наиболее вероятным предположениям, это произошло около 40–30 тысяч лет назад. По-видимому, волки начали бродить вокруг лагерей наших предков, и на протяжении десятков тысяч лет происходило постепенное отделение современной собаки от волка – процесс, движущей силой которого было сочетание естественного отбора и селекции.

Уже 15 тысяч лет назад, задолго до того, как человечество перешло к земледелию, судьбы людей и собак, их жизнь и смерть, были тесно переплетены. Самыми первыми достоверными свидетельствами совместного существования людей и собак служат три скелета эпохи палеолита, найденные в карьере в Германии: скелеты мужчины, женщины и маленькой собаки, которые захоронены вместе. Собака страдала от чумки и могла прожить столько, сколько она прожила, лишь в том случае, если за ней ухаживали люди. Она была слишком слаба, чтобы приносить какую-то пользу во время охоты, поэтому, вероятно, выполняла какую-то другую функцию в жизни группы, в которой она жила и умерла. Это был домашний любимец...

Медленно двигаясь дальше через эпохи, мы обнаружим, что собак, как правило, почитали в большинстве человеческих культур. В доколумбовой Америке майя и ацтеки считали собак добрыми проводниками и стражами, которые ведут умерших в мир духов. Египтяне, вероятно, более известны тем, что предпочитали кошек, но собак тоже часто мумифицировали и помещали в гробницы вместе с их владельцами. И одним из самых первых животных, имя которого дошло до нас, была изящная охотничья собака по кличке Абутью (на самом деле, я понятия не имею, как произносится кличка Abuwtiyuw), которая жила во времена VI династии (2345–2181 до н. э.).

Чуть ближе к истокам западной философской традиции во времени и пространстве находятся представители персидского зороастризма, которых гораздо больше интересовали сообразительность и добродетель собак. Персидские собаки охраняли мост, по которому умершие медленно переходили в рай, – интересно, что это созвучно представлениям майя. Однако собаки также были главными участниками бесконечной битвы света и тьмы и сражались за мудрого Ахурамазду против насекомых, улиток, крыс, ящериц, лягушек и, боюсь, кошек, которые служили повелителю тьмы, Ангро-Майнью. Любопытную привычку собак застывать и напряженно всматриваться в даль объясняли тем, что они могут видеть злых духов, невидимых для нас. Плохое отношение к такому могущественному союзнику в хорошей битве должно было повлечь ужасное наказание, в этой жизни и в следующей. Убийство собаки можно было искупить, только выполнив целый перечень заданий для покаяния, включавший убийство десяти тысяч кошек. Так что приверженцы зороастризма определенно были поклонниками собак...

Героическая эпоха Греции, еще более близкая к временам зарождения философии, дает нам преданного пса Одиссея, Аргуса, который двадцать лет ждал возвращения своего хозяина из странствий. Аргус, когда-то блистательный охотничий пес, теперь лежит на навозной куче, истощенный и обессиленный, но он единственный из всех оставленных на Итаке узнал Одиссея. Вознагражденный слезой героя и наконец-то счастливый, он умирает. С другой стороны, для любого героя Гомера было самым большим позором, если после смерти с него снимали доспехи на поле боя и оставляли обнаженное мертвое тело на растерзание собакам.

До сих пор мы рассматривали историю, мифы и легенды, но впервые настоящая «философская» собака появляется только в «Государстве» Платона. В диалоге «Государство» Платон пытается, помимо прочего, дать определение справедливости и установить критерии идеального общества. Важнейшая составляющая идеального правительства – это сословие стражей, солдат-философов, которые руководят и защищают государство. Какие качества следует нам искать в таких стражах? Они должны быть дружелюбны и благожелательны по отношению к гражданам государства, но суровы и агрессивны по отношению к их врагам. А где можно найти эти качества, составляющие истинную мудрость? Конечно же, у домашней собаки, которая инстинктивно отличает добро от зла, друга от врага, которая лижет руку собутыльникам своего хозяина, даже когда она ничего больше о них не знает, и кусает незваного гостя.

– Это свойство ее природы представляется замечательным и даже подлинно философским.

– Как так?

– Да так, что о дружелюбности или враждебности человека, которого она видит, собака заключает по тому, знает она его или нет. Разве в этом нет стремления познавать, когда определение близкого или, напротив, чужого делается на основе понимания либо, наоборот, непонимания?

– Этого нельзя отрицать.

– А ведь стремление познавать и стремление к мудрости – это одно и то же⁴.

Неплохой способ появления на сцене нашей философской собаки с приветственным лаем! Отзывы Платона о собаках не всегда были такими хвалебными, и он мог осыпать оскорблением «собака!» тех, с кем он был не согласен. Это подводит нас к самым знаменитым собакам в философии. В наши дни слово «циник», происходящее от греческого термина, означающего «похожий на собаку», приобрело такое значение (согласно Оксфордскому словарю английского языка): «Тот, кто демонстрирует склонность не верить в искренние или благие человеческие намерения и действия и имеет обыкновение выражать это с помощью насмешек и сарказма; насмешливый придирчивый человек».

Картина весьма непривлекательная: мизантроп с поджатыми губами, который высмеивает благие намерения и всегда срывает с человека маску добродетели, чтобы разоблачить скрывающегося под ней лицемера. Несомненно, мы можем найти элементы этого современного значения слова у киников, рассеянной группы мыслителей, появившихся в то же время, когда Платон начал работу над своим очень разнообразным философским проектом. Киники жили просто, пренебрегали всеми ловушками, связанными с богатством и всемирным успехом, одевались в лохмотья, ночевали под открытым небом, ругали жадность и материализм богатеев. Ни одно соглашение не было для них священным; ни одна нравственная или религиозная традиция не оставалась неосмеянной. Но кинизм прежде всего был учением, посвященным стремлению к добродетельному образу жизни, и критика киников была пусть и разрушительным, но необходимым первым шагом на пути к просвещению.

Какое же отношение к этому имеют собаки? Есть пара разных историй, объясняющих происхождение термина «кинники». Возможно, он связан просто с тем, что основатель школы киников, Антисфен, преподавал в гимнасии, название которого переводится как «место белой собаки». Однако мне больше нравится история о том, что Платон, которого раздражали постоянные понукания и обман со стороны Диогена Синопского, величайшего из киников, ученика Антисфена, выпалил: «Ты – собака!» Это понравилось Диогену, который наслаждался ролью. Когда другой представитель элиты бросил Диогену кости и повторил оскорбление, Диоген помочился на него. Диоген, по-видимому, был немного недотепа и прославился тем, что шумно ел во время лекций, нарочито портил воздух посреди беседы, постоянно ковырялся в зубах и затевал ссоры. Ночной кошмар каждого в спокойном обществе... И, возможно, он был слишком доволен собой. Единственный раз Платону удалось одержать верх над Диогеном. Когда Диоген вытер свои грязные ноги о любимый ковер Платона со словами: «Попираю Платонову суетность!», Платон ответил: «Какую же ты обнаруживаешь спесь, Диоген, притворяясь таким смиренным!»⁵

Основная причина, по которой закрепилось прозвище «похожий на собаку», заключалась, видимо, в следующем. Киники были печально известны тем, что без всякого стыда, подобно собакам, отправляли свои физические потребности. Диоген справлял нужду на улицах. Его ученик, Кратет из Фив, зашел еще дальше и вступал в интимную связь со своей женой Гиппархией у всех на глазах. Полагаю, именно поэтому такое действие и в наши дни известно под названием «доггинг».

Кратет и Гиппархия дожили до весьма преклонных лет, устраивая свое временное пристанище возле порталов и портиков Афин, но их наставник, Диоген, прожил еще дольше – по некоторым рассказам, на момент смерти ему было за девяносто. И в конце его жизни опять

⁴ Цит. по: *Платон. Государство, или О справедливости* / Пер. с др. – греч. А. Егунова // Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2016. С. 786.

⁵ Цит. по: *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. С. 222.

появляются упоминания о собаках. Существуют разные версии смерти Диогена. Согласно одной из них, он просто задерживал дыхание несколько дней (таким образом обычно можно добиться цели). По другой, более прозаичной, версии, он съел сырого осьминога и скончался от пищевого отравления. Еще одна версия больше подходит для киника. Якобы Диоген хотел разделить осьминога между собаками, и одна его укусила. В месте укуса началось нагноение, из-за которого Диоген умер. В другом варианте этой истории собака заразил его бешенством.

На самом деле Диоген был не первым философом, причиной смерти которого стала собака. Одним из древнейших философов, Гераклита, ждал ужасный финал. Гераклит был аристократом, который питал отвращение к простым людям и был убежден, что изрекаемые им истины могут понять лишь немногие избранные. Гераклит утверждал, что люди высшего сословия готовы все отдать ради бессмертной славы, тогда как низы бездумно наполняют утробу, подобно домашнему скоту. Поэтому участь этого философа кажется если не заслуженной, то, по меньшей мере, соответствующей. Заболев водянкой, Гераклит занялся самолечением: он обмазался навозом, который, по его мнению, должен был удалить избыточную влагу. В таком виде его обнаружила стая собак, которые, не распознав в нем человека, его съели⁶.

В последующие два тысячелетия, во времена, когда в философии господствовали довольно догматичные представления Аристотеля, великого ученика Платона, собаки упоминаются относительно редко. Но когда после эпохи Возрождения философия пробудилась от сна, упоминания о собаках возвращаются.

Собака обособленно упоминается в одном из величайших – и самых сложных – трудов западных философов по метафизике – в «Критике чистого разума» Иммануила Канта. Мы еще несколько раз встретимся с Кантом во время следующих прогулок, но сейчас достаточно знать, что в «Критике чистого разума» Кант и делает критический разбор, и пытается устранить часть противоречий, которые постоянно присутствуют в истории философии: между теми, кто считает, что знание должно быть продуктом чистого размышления, и теми, кто утверждает, что мы можем знать лишь то, что разум постигает посредством чувств. Объясняя, как этот разрыв между представлениями и чувственным опытом может быть преодолен, Кант приводит в качестве примера собаку:

Понятие о собаке означает правило, согласно которому мое воображение может нарисовать четвероногое животное в общем виде, не будучи ограниченным каким-либо единичным частным обликом, данным мне в опыте, или же каким бы то ни было возможным образом *in concreto*⁷.

Без понятия «собака», говорит Кант, все, что мы воспринимаем с помощью органов чувств – уши, шерсть, свисающий язык, поднятая лапа, – затерялось бы в фоновом шуме. Понятие «собака» достаточно надежно, чтобы обеспечить объединение этих различных элементов окружающего нас мира в целостный образ нашего знакомого друга и компаньона. При этом термин остается для нас достаточно расплывчатым, чтобы включать как надоедливую маленькую чихуахуа, так и величественного датского дога.

Мы уже упоминали Витгенштейна и способ, с помощью которого он определяет значение слова в сети языковых и социальных действий. Коммуникация связана с участием в серии взаимосвязанных «языковых игр», а наше знание этих разных языковых игр – то, что делает коммуникацию возможной. Исследуя границы того, что называется значением, Витгенштейн

⁶ Автор приводит лишь одну из версий смерти Гераклита, о которых рассказывает Диоген Лаэртский. Согласно двум другим, в которых собаки не упоминаются, Гераклит использовал навоз в попытке вылечиться от водянки, но это средство ему не помогло, и он скончался. В соответствии еще с одной версией, Гераклит сумел вылечиться от водянки и умер от другой болезни. См.: *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. С. 333, 334.

⁷ Цит. по: *Кант И. Критика чистого разума* / Пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. С. 125.

снова и снова возвращается к довольно озадаченной собаке, которая, как кажется, изо всех сил старается быть человеком. Но, не обладая необходимой способностью понимать соответствующие языковые игры, наша собака не может ни надеяться на будущее, ни бояться того, что оно может принести. К тому же собака не способна лгать.

Ложь – это языковая игра, которой нужно обучаться, как и всякой другой... Почему собака не может симулировать боль? Что, она слишком честна? Мог бы человек приучить собаку симулировать боль? Пожалуй, ее можно было бы научить выть при определенных обстоятельствах так, словно у нее что-то болит, тогда как на самом деле никакой боли нет. Но чтобы быть подлинной симуляцией, этому поведению всякий раз не хватало бы подходящего сопровождения⁸.

Я думаю, что Витгенштейн, в общем, прав в том, что собака не могла бы симулировать боль. Но, вероятно, даже философ не стал бы утверждать, что собака не может *чувствовать* боль? Последний пример упоминания собаки в философии, который я приведу, печальный, но показательный.

Мы возвращаемся к XVII веку, к работам Рене Декарта. Декарт стал печально известен в среде любителей животных из-за своих представлений о том, что все животные, за исключением человека, являются «природными автоматами»: бездушными механическими устройствами, неспособными мыслить или испытывать эмоции и, конечно, чувствовать боль.

О Декарте часто рассказывают две истории, указывающие на последствия такой теории. Однажды, прогуливаясь со своими друзьями, философ увидел ценную собаку. Сначала он чесал собаку за ушами и суетился вокруг нее. А потом, на глазах у пришедших в ужас компаньонов, он ударил собаку в живот. Потрясенных наблюдателей Декарт успокоил, объяснив, что вой собаки – это просто работа шестеренок, и заверил, что животные не способны чувствовать боль, а затем посоветовал своим друзьям приберечь свою жалость для страдающего человечества.

Второй, еще более страшный рассказ касается комнатной собаки его жены. Вдохновившись прочитанным об открытых Уильямом Гарвеем законах кровообращения, наш философ вознамерился провести наблюдения самостоятельно. Дождавшись, пока его жена и дочь уедут по поручению, Декарт поймал маленькую собаку – это был папийон, у которого большие уши, похожие на крылья бабочки, – отнес ее в подвал и выполнил жуткую вивисекцию.

Как отреагировали мадам Декарт и маленькая девочка, когда обнаружили тело? Об этом история умалчивает.

На самом деле, история об этом умалчивает, потому что не было никакой мадам Декарт и никакой дочери. Философ так и не женился. Этот рассказ – миф, возникший в идиотской преисподней Интернета. Нечто очень похожее на описанный кошмар действительно произошло, но почти двести лет спустя. Злоумышленником был знаменитый анатом XIX века Клод Бернар (1813–1878), который бессердечно проводил рассечения без анестезии живых, находящихся в сознании собак (и кроликов). Бернар не особенно беспокоился о жене и действительно выполнил вивисекцию ее маленькой собаки. Разгневанная (что вполне понятно) жена оставила Бернара и основала организацию для проведения кампаний против жестокого обращения с животными. Историю стали связывать с Декартом, по-видимому, из-за его представлений о животных, как об автоматах.

А что с историей, в которой фигурирует ценная собака? Если такой случай вообще имел место, то виновным был французский философ более позднего периода, Никола Мальбранш

⁸ Цит. по: *Витгенштейн Л.* Философские исследования / Пер. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 172.

(1638–1715). И снова в том, что подобные истории приписывали Декарту, виновата его репутация.

Но достаточно о собаках в философии. Давайте немного разберемся в философии с нашей собакой!

Прогулка первая Хорошая собака, плохая собака

Во время первой прогулки мы с Монти начинаем обсуждать этику, ту область философии, которая касается вопросов морали: что правильно и неправильно. Почему эти моральные проблемы так трудно решить? Сводится ли мораль просто к прихоти или власти? В этом разделе мы рассмотрим некоторые неудовлетворительные этические теории, которые тем не менее помогают выяснить, какой же должна быть хорошая теория морали.

Философия, возможно, не всегда развлечение, но, по крайней мере, она должна стремиться быть полезной. Философия поможет вам выбрать между хорошими аргументами и плохими, где бы они вам ни встретились: в социальных сетях или в пабе. Она поможет прояснить, что вы думаете о главных вопросах современности. Возможно, она предоставит вам возможность стать лучше – тем, кто раздумывает, как правильно поступать и каковы истинные цели в жизни. Философия заставит вас проводить часы в спокойных размышлениях над серьезными вопросами: зачем мы здесь? Какова подлинная природа реальности? Откуда я знаю, что свет действительно выключается, когда я закрываю дверцу холодильника?

Однако одна из многих важных причин для изучения философии заключается вовсе не в том, что она позволит вам победить в любом домашнем споре. На самом деле, я бы посоветовал вам никогда не применять философскую ловкость рук, когда ваш супруг раздражен из-за вас. Никогда не пользуйтесь вилкой Юма или бритвой Оккама, если не хотите повстречаться со сковородкой Супруги. Нет, в домашних спорах победа, добытая с помощью философии, – всегда пиррова: ее цена намного превосходит любую выгоду, когда речь идет, например, о том чтобы укладывать посуду в посудомоечную машину эффективным и рациональным способом, или о том, чтобы не смотреть «Неспящие в Сиэтле» в пятнадцатый раз.

Существует также множество причин, чтобы иметь собаку, в том числе и следующая: это может послужить оправданием, если вам нужно сбежать из квартиры как раз после подобной пирровой победы. Всем собакам нужно гулять, даже склонным к философии и не очень любящим выходить из дома «мальтийцам» с маленькими лапками.

– Как настроение, Монти? – спросил я, когда мы спустились вниз на старом гремящем лифте. – Кладбище или Хэмпстед-Хит⁹?

Монти фыркнул, будто ему было все равно, куда мы пойдём. Он мог многое выразить с помощью фырканы: самое разное настроение, суждения, идеи и даже доводы. Фырканы Монти могло указывать на согласие или несогласие; насмешливое изумление или гневное осуждение; критику или одобрение вашей аргументации. В этот раз фырканы означало: «*Пли на могилу или на дерево? Мне не важно. Ты решай*».

– Кладбище ближе, но Хэмпстед-Хит менее...

– *Отвратителен?*

Я кивнул.

– Значит, в Хэмпстед-Хит.

Парк Хэмпстед-Хит находится в двадцати минутах ходьбы, и путь пролегает через улицы, где живут олигархи и управляющие хеджевых фондов. В отличие от большинства открытых пространств Лондона, Хэмпстед-Хит выглядит как парк без планировки, неухоженным, непредсказуемым. Только что ты находился в пригороде, а в следующий момент оказался в дебрях. Ну хорошо, не совсем в дебрях, но можно долго идти и не увидеть и не услышать ни одного человека. Но, возможно, такой переход не столь драматичен, как я его описал. Парк и

⁹ Природный парк на севере Лондона.

улицы проникают друг в друга, как ни в одном городе или стране. Это заставляет вспомнить о парадоксе или загадке, которая беспокоила одного из первых философов-стоиков – Хрисиппа (ок. 279 – ок. 206 до н. э.).

Стоики – одна из философских школ, которая процветала в Афинах в III веке до н. э. Затем они «покорили» Рим, и среди величайших философов-стоиков был император Марк Аврелий. Мы еще поговорим о стоиках более подробно, а пока дадим общую картину: ключевым пунктом их учения было представление о том, что каждый философ должен стремиться стать непогрешимым, человеком, который полностью осознает связанность элементов физического мира, видит необходимость во всем и способен ответить на любой мыслимый вопрос. Например, такой: сколько зерен песка образуют кучу? (Этот вопрос известен как парадокс «Сорит» (от греч. σωρός – «куча».)

Очевидно, мы все узнаем кучу песка, когда ее увидим, мы также знаем, что три зернышка песка не равны куче. Поэтому должен быть момент, когда при добавлении одного зернышка песка *не-куча* превращается в *кучу*. Но как одна-единственная песчинка может настолько все менять? Та же проблема применима к лысеющим мужчинам. Пышная шевелюра постепенно редет до тех пор, пока человек не становится бесспорно лысым. Но когда он становится лысым? И в этом случае единственный волос должен означать такой переход, и все же: как отличить *лысого* от *нелысого* по такому тонкому... волосу?

А в школе вариант парадокса «Сорит» стал для меня введением в мир спекуляций. Здоровенный паренё-хулиган подходил ко мне на школьном дворе, хватал за руку и требовал ответить на вопрос: «Ты бы поцеловал Хильду за фунт?»

Хильда – это старая, раздражительная женщина с кривыми зубами, которая подавала обед в школе, черпаком накладывая в тарелку месиво из восстановленного концентрата и коричневой мясной кашицы.

– Нет, – говорил я.

– Тогда ради чего ты поцеловал бы Хильду?

– Ничего!

– Ха, ты бы поцеловал Хильду за ничего!

И вскоре весь школьный двор начинал кричать не только что я поцеловал бы Хильду просто так, но и что я люблю ее и хочу на ней жениться.

Вообще-то, это не совсем парадокс. Парадокс проявился бы потом, когда вы стали бы обдумывать вопрос. Поцеловал бы я Хильду, скажем, за десять миллионов фунтов? Вероятно, я сказал бы: «Да». Так что на какой-то цифре между одним фунтом и десятью миллионами я бы согласился поцеловать Хильду. А это отправляет нас к началу: всего один фунт решит дело – целовать или не целовать Хильду. Поэтому, по сути, вы всегда поцеловали бы Хильду за один фунт.

Мы еще вернемся к Хильде, точнее к Хрисиппу и его куче песка, но позже.

А сейчас мы уже преодолели промежуточное пространство и бесспорно собирались поцеловать Хильду, то есть пришли в Хэмпстед-Хит. В это время года он особенно красив, когда листья пылают на древних дубах и ясенях, а под ногами хрустят желуди, буковые орешки и скорлупа каштанов.

Только я собрался спустить Монти с поводка, как увидел, кто приближается, и застонал. Это был мопс, а может быть, французский бульдог – я не отличаю друг от друга собак, которые выглядят так, будто врезались в стеклянную дверь, с их выпученными глазами и пастью, как у гуппи. Монти терпеть не может мопсов. Я так и не понял, связано ли это неодобрение с эстетическими, моральными или политическими мотивами, но, завидев мопса, Монти начинает бросаться, натягивая поводок и ошейник изо всех сил, как хаски, который тащит перегруженные санки. В такие моменты я иногда притворялся, что Монти, который почти ничего не весит, тащит меня, совершенно беспомощного, по улицам.

Итак, Монти вошел в образ хищного волка, и мопсу пришлось отступить. При этом обе собаки знали, что им вряд ли удастся затеять настоящую драку, поскольку обе были на поводках. Такого рода противостояние похоже на то, что у людей называется «обмен толчками»: скорее притворство, чем настоящая злоба.

– Плохая собака, – огрызнулся я на Монти, безуспешно дернув поводок. А затем с рабочим лепием обратился к владельцу мопса:

– Мне так жаль!

Хозяином мопса был аккуратно одетый мужчина, который двигался маленькими шагами, точно совпадавшими с походкой его собаки.

– На самом деле он никогда не укусит первым или что-то подобное, это всего лишь напояк, – продолжил я.

Мужчина ничего не ответил и пошел дальше, задрал нос.

– Хорошо бы ты этого не делал, – прошипел я Монти.

Он невинно посмотрел на меня, как будто я оторвал его от размышлений о красоте бабочки или розы.

– *Это собачье дело. Так мы себя ведем.*

– Не все собаки.

– *Конечно, может, тебе и попало несколько таких, которые испугались или подлизывались. Но втайне мы все хотим делать это. Все равно, эти мопсы...*

Когда этот мопс благополучно оказался вне пределов досягаемости, я спустил Монти с поводка. Он потрусил вниз по тропинке, петлявшей среди деревьев, принохиваясь и периодически поднимая лапу, чтобы оставить свою метку. А потом он замер, как ребенок, изображающий шаги бабушки. Через секунду или две я увидел почему. Это был огромный черный ротвейлер, которого мы уже пару раз встречали в этом парке. Он был размером с маленькую лошадь. Хотя ротвейлер никогда не демонстрировал каких-нибудь явных признаков агрессии, он порождал страх в трусливой душе Монти. И, если честно, в моей тоже. Монти сделал пару ложных выпадов в сторону ротвейлера, рыча и лая. Ротвейлер молча терпел с минуту или около того, а потом оглушительно гавкнул, и Монти помчался ко мне через подлесок. Подпрыгивая, он стал царапать передними лапами мои колени:

– *Возьми меня на ручки, возьми, возьми, возьми!!!*

– Но ты же весь грязный!

Однако Монти был в таком отчаянии, что я все равно взял его на руки.

Ротвейлер неспешным шагом удалился, как какое-нибудь безобидное травоядное животное эпохи палеолита. Возможно, если бы он считал Монти большей угрозой, то очнулся бы от спячки и съел бы его. Я опустил Монти на землю, и он стал рычать и лаять вслед уходящему врагу.

– *Я бы ему задал. Этот чувак напрашивался на серьезные неприятности.*

– Ага, он мог бы подавиться тобой.

Монти фыркнул.

– Нам надо это обсудить.

– *Что «это»?*

– Собачье поведение. Что делает тебя хорошей или плохой собакой. Вообще-то, речь не столько о собаках, сколько о людях.

– *Отлично, еще одна прогулка испорчена.*

– Поверь мне.

– *Прекрасно, только сначала я немного побегаю. Вот увидишь, сколько всего я могу сделать за две минуты: оставить множество меток, обнюхать все, что необходимо, найти несколько косточек от жареной курицы, которые ты сможешь попытаться вытащить у меня из пасти, и всякое такое, ладно?*

Я медленно пошел к более высокому месту парка. Там стояла скамейка, с одной стороны которой открывался вид на стеклянные башни Сити, со зловещей холодностью поблескивающие на утреннем солнце, а с другой стороны расстилался ковер из деревьев, как будто мы находились в каком-то древнем бесконечном лесу, в котором зелень вечнозеленых растений выглядела как темные озера среди буйства золотых и желтых красок. У этого места было еще одно преимущество: оно находилось в стороне от протоптанной тропинки. Разговоры с собакой о философии могли показаться несколько странными, поэтому я предпочитал это делать там, где нас не могли подслушать.

– Хорошо, давай поговорим о правильном и неправильном.

– *Ты имеешь в виду, почему иногда ты говоришь мне «хорошая собака», а иногда «плохая собака»? Ну, у меня есть теория. Ты говоришь «хорошая собака», когда тебе нравится, что я делаю, а «плохая собака» – когда не нравится, и в этом все дело.*

Я улыбнулся и погладил Монти.

– Хороший пес. Ты на самом деле выразил суть проблемы. У теории, которую ты только что изложил, даже есть название. Она называется «эмотивизм». Эмотивисты утверждают, что при вынесении моральных суждений, говорим ли мы о правильности или неправильности действия, моральном или аморальном, все, что мы в действительности высказываем, и все, что мы вообще можем сказать, – одобряем ли мы это. Чувствуем ли мы себя тепло и уютно. Эти суждения – такого же рода, как в случае, когда съев хороший пирог, мы говорим: «Вкусно!» Они похожи на то, как собака, услышав, что хозяин сказал «гулять!», начинает вилять хвостом.

Монти рефлекторно завил хвостом, когда услышал «гулять!».

– Но если теория эмотивизма верна, если моральные суждения в конечном счете сводятся к «мне это нравится» или «мне это не нравится», то это имеет определенные последствия. Неожиданно оказывается, что наши моральные суждения вряд ли имеют какую-то силу или оказывают какое-нибудь влияние на мир.

Монти недоуменно посмотрел на меня.

– Если человек говорит, что он любит шпинат, а вы не любите шпинат, то и вы, и ваш собеседник мало что можете еще сказать или сделать. Невозможно рационально спорить, приводя доводы за или против шпината. Полный перечень питательных веществ, содержащихся в его листьях, не поможет. Я говорю: «Фу-у». Вы говорите: «Ура!» Вы можете, пожав плечами, улыбнуться и уйти или спорить до конца. Но здесь нет места доказательствам, доводам, логике. Поэтому всякая надежда на вынесение настоящего морального суждения, которое могло бы иметь достаточный вес, чтобы повлиять на наши поступки, исчезает.

Монти выразительно фыркнул, и в этом случае фыркание очень напоминало вопрос: «*Ну и что?*»

– А если мы уберем нашу способность рационально спорить о моральных проблемах, тогда сразу же что-то другое заполнит вакуум.

– *Например?*

– Каждый, кто в наши дни размышляет о морали, находится в тени Фридриха Ницше (1844–1900). Ницше настойчиво и в весьма своеобразной манере доказывал, что мораль – это всегда вопрос власти, способ утверждения своей воли. Правильным считается то, что власть имеющие или те, кто желает ими стать, говорят, чтобы сохранить или усилить свое собственное положение в обществе. Главной мишенью Ницше было христианство. В отличие от других мыслителей, критиковавших христианство за его пышность и лицемерие, Ницше ненавидел христианство за те его особенности, которые мы посчитали бы его лучшими чертами: поддержку милосердия, кротость, призыв подставлять другую щеку, «блаженны миротворцы»¹⁰ и тому подобное. Ницше же рассматривал христианство как религию рабов, как попытку сла-

¹⁰ Мф. 5: 9.

бых и немощных вырвать власть из рук сильных, то есть тех, кто естественным образом должен бы управлять. Для достижения своих целей рабы используют единственное имеющееся в их распоряжении оружие: нытье, стенания, жалобы. Ницше предлагает историю, или, как он это формулирует, *генеалогию*, морали. В героическую эпоху Гомера мораль была представлена понятиями «*хорошее*» и «*плохое*». «*Хорошее*» было тем, что знаменовало жизнь аристократического героя: счастье, достигаемое посредством победы в битве, завоеваний в любовных делах, пиров, богатства. «*Плохое*» было связано с несчастной долей раба: слабость, бедность, беспомощность. Христианство заменило прекрасную и благородную дихотомию «хорошее – плохое» на жалкие различия между добрым и злым, где добро означает благочестие, а зло – те же аристократические достоинства, ныне низвергнутые, за которые их обладатель заслуживает осуждения.

Поэтому мораль – все эти разговоры о доброте и необходимости подставить другую щеку – стали оружием, придуманным трусами и слабаками, чтобы победить аристократию по рождению, смелых и сильных. Это выходит далеко за пределы представлений эмотивистов о том, что мораль – лишь то, что заставляет нас чувствовать себя тепло и уютно; теперь это злая сила, способ вмешательства в естественный порядок Вселенной, иерархию, в соответствии с которой блистательный Сверхчеловек находится на вершине, а подбострастные рабы внизу.

– *Поэтому ты – не большой поклонник Ницше, да?*

– Ницше – величайший философ последних двух столетий. Его величие в том, что он заставляет думать, ставит под сомнение все, что ты полагал истинным. И он пишет, как ангел, а такого не скажешь о большинстве философов. Никому другому не удалось сочетать его грандиозность и силу с такой ясностью мысли. Ницше хочет, чтобы мы жили, сообразуясь не с требованиями *нравственности*, то есть излишне сосредоточиваясь на правилах, предписаниях, соблюдении поста и запретах христианства, а смело, красиво, творчески. Иными словами, так, как всегда жили великие мужи (и да, Ницше имеет в виду *мужей*). Его приманкам почти невозможно сопротивляться. Но мы должны им противостоять, если на самом деле не хотим жить в мире, где власть имущие могут поступать так, как им хочется, где могущество уничтожает равноправие, а сильные не просто способны раздавить слабых, но это их *долг*. Если серийные убийцы вообще что-нибудь читают, то это всегда Ницше, и для этого имеются основания... Ницше – философ для тех, кто чувствует, что их истинное величие не признается обществом, для тех, кто считает, что они должны создать свою собственную мораль, а другие люди существуют лишь для того, чтобы удовлетворять их жажду власти.

Стало немодным связывать Ницше с ужасами нацизма, но дело в том, что большая часть идеологии нацизма есть у Ницше: право сильного уничтожать слабых, идея о том, что некоторые люди – «высшая раса», раса господ – от рождения превосходят других; что война – это правильно и естественно; что небелые расы – низшие. Да, верно, Ницше не был ограниченным немецким националистом и, в особенности, антисемитом по меркам своего времени, но все остальное присутствует, прямо на виду.

Но тот факт, что идеи Ницше, когда его уже не было на свете, использовали для поддержки зла, не поможет нам избежать глубоких и страшных вопросов, которые задает этот философ. Где закон морали, который не позволяет Сверхчеловеку поступать так, как он хочет? Какой закон, разума или природы, запрещает мне получить желаемое, добиться величия, растоптав другого?

– *Ты знаешь, что почти кричишь?*

– Что? О! Таков Ницше.

– *Не оборачивайся, сюда идут...*

Монти был прав. К нам приближались мужчина с женщиной и несколькими бегающими детьми: дети лупили палками по головкам чертополоха, а изможденные родители выглядели так, будто им нужен перерыв от отдыха.

Если вас застали говорящим со своей собакой, все, что можно сделать, – продолжать в том же духе, но более приемлемым образом. Поэтому я еще повозился с Монти, говоря: «Хороший мальчик!», и потрепал его по мордочке, как любой нормальный владелец собаки. Пока я это делал, то заметил, что Монти немного дрожит.

– Ладно, приятель, пошли домой.

Когда мы опять оказались среди деревьев, я продолжил.

– В этом наша проблема. Можем ли мы найти рациональную основу для морали, доказав, что мы не просто собаки, виляющие хвостом, или слабаки, пытающиеся заковать в цепи сильных для того, чтобы узурпировать принадлежащее им по праву место на вершине кучи?

– *А мы можем?*

– На обсуждение этого вопроса потребуется не одна прогулка. Давай сегодня за оставшееся время заново сформулируем проблемы настолько точно, насколько возможно. Потом можно рассмотреть, какие решения предлагали философы в последние пару тысяч лет и выдержали ли эти идеи строгую философскую критику.

Сначала о проблеме. И это действительно проблема. Если мы хотим отвергнуть Ницше и представления о виляющих хвостом и утверждаем, что существуют универсальные истины, касающиеся правильного и неправильного, или, по меньшей мере, что мораль имеет твердую рациональную основу, тогда нам необходимо рассмотреть несколько серьезных вопросов.

Во-первых, очевидно, что в вопросах морали нет даже малейшего намека на согласие. Ни один человек в здравом уме не будет спорить, что сумма внутренних углов треугольника равна 180° , или что люди произошли в результате эволюции от более примитивных человекообразных обезьян, или что Земля вращается вокруг Солнца. Потому что это разумные, давно установленные факты. Но когда речь идет о вопросах морали, в нашем обществе постоянно ведется множество споров, касающихся этических вопросов. Некоторые из них – личные, другие – более общего характера с политическим оттенком. Можно ли солгать, если правда заденет чьи-то чувства? Должен ли я отдавать часть своего заработка на благотворительность? Подходит ли человек, который считает низшими женщин и небелые этнические группы, для того, чтобы занимать высокий политический пост? Можно ли направлять деньги, полученные от налогоплательщиков, на оплату вещей, которые для них не важны? Личная свобода важнее физического благополучия? Правильно ли прокладывать железнодорожную линию через чей-то сад против воли владельца, если это делается ради общественного блага? Должны ли мы вторгаться в страны, чьи правительства оскорбляют определенные «ценности цивилизованного мира»? Что это за ценности цивилизованного мира? Должны ли мы чувствовать себя обязанными с готовностью принимать беженцев из других стран? Если да, то на каких основаниях? Хорошо ли убивать и есть животных? Обладает ли женщина исключительным правом решать, делать ли ей аборт? Существуют ли преступления, которые должны караться смертью? Если мы решим уничтожить террориста с помощью беспилотника, сколько невинных детей допустимо убить при этом? Или, скажем, у вас есть... домашний питомец, которому может понадобиться очень дорогостоящее медицинское лечение. Оправданна ли трата этих денег, если вы могли бы их использовать на спасение или улучшение жизни людей?

– *Если бы мне было позволено выразить мнение по последнему вопросу, то я бы определенно сказал «гав».*

Я погладил Монти сбоку по мордочке и почесал ему брюшко.

– Интересно и печально, что эти споры кажутся бесконечными. Мы не можем найти в Google ответ, потому что расхождения по вопросам морали редко в конечном итоге сводятся к фактам. Если мораль рациональна и объективна, тогда почему мы не можем прийти к согласию?

– *Объективна?*

– О, извини. Давай немного разберемся в терминах. Понятия «*субъективный*» и «*объективный*» часто будут появляться во время наших прогулок. Когда я говорю о чем-то, что это субъективно, или субъективная истина, это значит, что нечто истинно с точки зрения конкретного человека, субъекта. Ты – субъект, я – субъект. «Мне холодно. Собачья еда ужасно пахнет. Я люблю чизкейк». Ты заявляешь о собственных чувствах или своем восприятии. С другой стороны, если ты утверждаешь, что нечто – это объективная истина, это значит, что это нечто реальное, независимо от точки зрения любого человека или даже группы людей. Температура воздуха 11 °С. Мы в четырех километрах от дома. Земля вращается вокруг Солнца. Квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов катетов. Это объективные факты. Их истинность или ложность не зависит от моего отношения к ним. Понятно?

– Кажется, да. *Субъективное* – это просто то, что я думаю, *объективное* – верно или неверно, что бы я ни думал?

– Довольно близко. Раз уж мы об этом заговорили, то можно упомянуть о еще одном термине – «*релятивизм*». Релятивизм представляет собой идею о том, что простой *универсальной* истины не существует, что любое утверждение следует предварять словами «для меня». Релятивизм может ограничиваться отдельными областями, например представлением об относительности всякого движения или о том, что красота – в глазах смотрящего; но очень часто релятивисты придерживаются более общих взглядов и утверждают, что все *истины* относительны и зависят не от универсальных законов или принципов, а от субъективных чувств и восприятия отдельных людей, которые живут в конкретное время и в конкретном месте.

– Так что? *Субъективизм* и *релятивизм* – это одно и то же?

– Не совсем, хотя эти понятия явно перекрываются. Я думаю, большинство из нас согласится с тем, что многие суждения субъективны и они обычно достаточно очевидны. Возможно, у меня есть субъективное мнение, не знаю... скажем, о пиве, – я считаю, что оно освежает, поднимает настроение и помогает скрасить горечь существования. При этом я также могу соглашаться с определенными объективными, безотносительными вещами, касающимися пива: например, что избыточное его употребление разрушит мой мозг и печень. Но в целом существует разделение: субъективное, относительное и частное, с одной стороны, и объективное и универсальное – с другой. А мораль находится точно посередине этого поля сражения.

Возвращаясь к этим бесконечным спорам о морали: дело в том, что мы, по-видимому, не можем прийти к согласию зачастую потому, что две стороны спора имеют фундаментально противоположные концепции морали. И не просто противоположные, а несовместимые. Для обозначения такого состояния философы используют термин «*несоизмеримый*».

– Слушай, ты не мог бы учитывать особенности аудитории?..

– Это похоже на выставку собак, где все категории перемешались и ты пытаешься оценить на одном ринге пекинеса, датского дога и далматина.

– Спасибо.

– Или, например, два человека пытаются решить, какое печенье лучше, и один из них использует в качестве критерия, насколько печенье устойчиво к размоканию, а другой – сколько на нем шоколадной глазури. Конечно, они никогда не придут к согласию. Женщина может сказать (или, по крайней мере, думать), что можно солгать мужу о поцелуе с Кеном из бухгалтерии на рождественской вечеринке, потому что, если рассказать, это причинит ненужные страдания; ее подруга скажет, что лгать всегда нехорошо, каковы бы ни были последствия. Один человек скажет, что налоги следует повысить для финансирования здравоохранения, а другой спросит: «По какому праву ты забираешь мои с трудом заработанные деньги?»

Поэтому даже в нашем собственном обществе не существует общего согласия в вопросе о том, что правильно и неправильно. А там, где существуют разногласия, по-видимому, нет никаких убедительных способов их разрешения.

Вероятно, следует подчеркнуть, что современное западное общество нетипично в этом отношении. Большая часть людей в Древнем Риме или средневековой Европе не сочли бы такой уж проблемой установление всеобщей моральной основы. Большинство более ранних цивилизаций обладали функционирующей системой нравственности на основе общих религиозных взглядов, или неоспоримой веры в законы государства, или общей системы культурных норм, табу и предписаний.

– *Но не мы?*

– Нет. Современный мир утратил свое монолитное мировоззрение в том, что касается вопросов морали. Это не значит, что мы в прямом смысле слова вольны выбирать ту мораль, которая нам нравится, – государство непременно вмешается, если мы решим, как древние представители зороастризма, что следует поклоняться огню во всех его формах и поэтому сожжение сарая для инструментов, принадлежащего соседу, считается религиозным долгом, – и традиционные нравственные представления, несомненно, по-прежнему не утратили гравитационного притяжения, но тем не менее у нас есть особенно широкий выбор моральных точек зрения.

– *И что именно все это значит?*

– Ты мог бы утверждать, что такое разнообразие (а на самом деле хаос) очень похоже на то, что мораль не может иметь никакой другой основы, кроме меняющихся привычек и обычаев людей. Один из самых первых философов, Архелай, живший в V веке до н. э., кратко сформулировал эту идею, когда сказал: «Справедливое и безобразное существуют не по природе, а по установлению»¹¹.

Монти немного убежал вперед, но теперь развернулся и ждал меня, либо нервничая из-за притаившихся ротвейлеров, либо желая знать, существует ли способ выбраться из лабиринта, проложенного сторонниками Ницше, поклонниками идеи о вилянии хвостом и релятивистами.

– *Но ведь ответ существует, правда?*

– Ответ? О таких вещах лучше не судить заранее. В философии самое главное – это поиск, исследование. Это немного напоминает, как вы лезете на чердак, чтобы найти старую раму от картины или кроссовки, которые, как вы и предполагали, в конце концов, теперь стали относиться к ретро. Возможно, вы так и не найдете раму или кроссовки, но вы обнаружите массу других интересных вещей: сломанную теннисную ракетку, зубной протез бабушки, матричный принтер, «волшебный экран»...

– *Знаешь, что-то ты не очень понятно говоришь...*

– Хорошо. Давай начнем с того, что убедимся, насколько хорошо нам известно, в чем заключается проблема. Собаки дерутся. Например за кость. Она принадлежит одной собаке, а другая хочет ею завладеть.

– *Так бывает...*

– *И побеждает сильнейший.*

– *Как правило.*

– *И он получает кость.*

– *Или она. Может, у этой таксы из дома 47 глаза искусительницы, но дерется она не по правилам.*

– *И это нормально. Сильнейший получает кость, не так ли?*

– *Так обстоят дела у собак...*

– У нас иногда тоже. И у этой идеи длинная родословная. Мы находим ее убедительное доказательство в «Государстве» Платона. Немного об истории вопроса. Платон (428/427–348/347 до н. э.) изложил свою философию в серии драматических диалогов (всего их 38),

¹¹ Цит. по: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. С. 98.

которые довольно хорошо определяют, что мы имеем в виду, используя термин «философия». Обсуждая философию, почти невозможно не обращаться к Платону. Говорят, что вся философия представляет собой набор примечаний к Платону, и действительно, почти все ключевые философские вопросы, которые волнуют нас вплоть до наших дней и над которыми мы будем размышлять во время наших прогулок, впервые были четко сформулированы в диалогах Платона. Но дело в том, что и через две с половиной тысячи лет мы все еще озадачены, все еще размышляем, следовательно, ответы, данные философом, редко так же плодотворны, как заданные им вопросы. Диалоги представляют собой не только главные труды по философии, но и великие литературные произведения. В большинстве диалогов главным героем предстает Сократ, учитель Платона. (На протяжении всех прогулок каждый раз, когда я говорю «Сократ», я, как правило, имею в виду Платона. Сократ сам никогда ничего не записывал, поэтому мы имеем представление о его философии лишь в том виде, в каком она изложена Платоном.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.